

Роль личных местоимений в структуре представления знаний (на примере аргументативного дискурса В.В. Жириновского)

Шкляева Татьяна Николаевна

Аспирантка Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия

К числу важнейших когнитивных феноменов, интересующих политическую лингвистику, относятся *структуры представления знаний*. Под *структурами представления знаний* следует понимать такие когнитивные структуры, которые отражают сознание говорящего, его мышление и способы познания, иными словами, его модель мира [Кибрик:126]. Особую роль в процессе представления и преобразования политической картины мира играют личные местоимения.

Следует отметить, что, становясь участником парламентских дебатов, в которых важно отстоять не столько личные, индивидуальные, интересы («я считаю», «я уверен»), сколько партийные, общие, говорящий становится представителем коллективного сознания. Это находит свое прямое отражение в частом использовании местоимения *мы* (*мы приняли, мы настаиваем, мы будем пробовать внести поправки*). Однако в аргументативном дискурсе Жириновского (лидера ЛДПР) не менее употребительным, а во многих случаях – даже более употребительным, является местоимение 2 л. мн. ч. (*вы не хотите этого делать, вы выступаете за свободы и тут же душисте..., вы молчите и отсиживаетесь...*). Очевидно, частота использования личных местоимений свидетельствует о большем восприятии действительности через субъектные, межличностные отношения.

Для аргументации Жириновского характерно дистанцирование субъектов общения – говорящего (*мы*) и слушающего (*вы*). Структура представления знаний строится по модели «**мы** противопоставлено **вы**», причем данные лексемы не «разлиты» в речи, не удалены друг от друга, а концентрированы в пределах нескольких высказываний (примеры взяты из выступлений на пленарном заседании 21.11.08 о поправках в Конституцию):

1. *Сегодня **мы** приняли поправку в Конституцию о контроле правительства. Какой же контроль, когда **вы** не даете возможности вообще ничего делать!*

2. *Сидя здесь, **мы** мешаем друг другу работать. Против чего **вы**?*

С семантической точки зрения одна из особенностей личных местоимений заключается в том, что они, кроме местоимения *я*, указывающего только на говорящего, обладают широкой парадигмой значений. Так, в дискурсе Жириновского эксплицитно *мы* – это: 1) *я* (говорящий); 2) *я* + *однопартийцы*; 3) *я* + *однопартийцы* + другие депутаты Государственной Думы; 4) *народ, граждане*. Имплицитно *мы* – это любой адресат данной речи: депутаты, спикер, массовый слушатель.

Местоимению *вы*, наоборот, свойственно обобщающее значение: *вы* – это группа лиц, в которую не входит говорящий. Однако в речи Жириновского оно имеет вполне конкретное значение – это мои / наши оппоненты, те, кто не принимает мою / нашу идеологию, т. е. депутаты тех фракций, которые не разделяют воззрения либеральных демократов.

Многозначность лексемы *мы* (от *я* до *народа*), «размытость» и неопределенность ее семантических границ, а также однозначность *вы*, конкретизирующего и определяющего группу лиц (депутаты-оппоненты), являются эффективными инструментами когнитивного воздействия. Преобразования в структуре семантического поля (сужение или расширение семантического поля лексемы) приводят к тому, что адресат, вникающий в речь говорящего, затрачивает определенную интеллектуальную энергию для систематизации своих знаний. Данный процесс уже намечает некую трансформацию в модели мира слушающего.

В результате указанной структуризации в сознании адресата выстраиваются два антонимичных образа: положительное *мы* и отрицательное *вы*. Для создания данных образов говорящий использует следующие речевые механизмы:

а) Местоимение *мы* (в значении «Я и мои единомышленники») сочетается с глаголом совершенного вида в форме прошедшего времени со значением положительного результата действия: «мы приняли...», «мы внесли поправки...», «мы предложили поправки...»; местоимение *мы* (в значении «Депутаты Государственной думы»), имплицитно трансформирующееся в *вы*, сочетается с глаголом в настоящем времени, обозначающим действие как постоянное свойство предмета (настоящее постоянное): «мы принимаем законы...», «мы готовим социальные потрясения...».

б) Местоимение *вы* сочетается с глаголом совершенного вида в форме прошедшего времени со значением отрицательного результата действия («вы не смогли...», «вы не рассмотрели...», «вы заткнули рот...», «вы отвергли...») и с глаголом в форме настоящего постоянного, обозначающим негативное действие («вы душите...», «вы не хотите...», «вы не даете возможности...», «вы провоцируете...»).

Таким образом, глаголы, морфологически одинаково выраженные в предложениях с личными местоимениями, обозначают противоположные по семантике действия. Адресат воспринимает действия *мы* как позитивные, полезные, эффективные, необходимые, а действия *вы* носят негативный, разрушительный, малоэффективный характер.

Необходимо обратить внимание на однотипность синтаксических конструкций, в которых используются личные местоимения: *мы* находится в начале высказывания, *вы* его завершает. Безусловно, используя анафорическое *мы*, логически и интонационно выделенное в речи, говорящий актуализирует внимание адресата, и через это воздействие может включить его в процесс приватизации нового знания: «Мы (партия ЛДПР) действуем правильно». Если основываться на предположении У. Чейфа о том, что предложение – это с когнитивной точки зрения суперфокус сознания [Кибрик:130], то можно рассмотреть данные высказывания Жириновского как попытку разрушить объективную действительность. Раздробляя целостность восприятия окружающего мира, разрушая старые знания, говорящий стремится «войти» в модель мира слушающего, создать новые структуры знаний. Такой фрагментарный способ представления знаний позволяет сфокусировать внимание на необходимых для говорящего отрезках информации. В результате этой трансформации в модели мира слушающего возникают только два ярких образа: образ положительных деятелей (депутаты партии ЛДПР) и образ отрицательных деятелей (депутаты других фракций). Коммуникативные усилия данного аргументатора направлены исключительно на «черно-белое» восприятие информации. А это, в свою очередь, отражает полярную модель мира самого говорящего, в которой отсутствует возможность для интегративной связи между субъектами коммуникации.

Многие политические деятели используют «разрушительные» речевые технологии, так как они действительно обеспечивают высокую степень приватности новых знаний. Но не следует забывать, что диалогическое общение (политическая речь а ргіоі диалогічна) должно быть направлено на взаимопонимание между собеседниками. Только тогда возможно достигнуть положительного коммуникативного результата. Э. Левинас сказал об этом так: «Язык и есть сам переход от индивидуального ко всеобщему, поскольку он передает Другому то, что есть глубинно мое. Говорить – означает создавать общий мир, строить общий фундамент для совместного обладания» [Портнов:74].

Литература

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Портнов А.Н. Сознание, личность, язык в философии Э. Левинаса // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995.